

- Погодите, я думаю, ты что-то неправильно поняла, - Су Нуан Нуан вздохнула, - Когда Чуань-Эр пришел во двор Чунь Фэн, меня там даже не было, так что полмиски Снежного крема ему дала не я. Никто на самом деле не хотел, чтобы такое случилось, это был действительно несчастный случай.

- Ты лжешь! - лицо наложницы Цзян покраснело от гнева, а ее голос стал пронзительным.

Су Нуан Нуан беспомощно огляделась и наконец остановила свой взгляд на Дуань Маочуане.

- Чуань-Эр, расскажи своей матери, как тебе удалось раздобыть эту половинку миски со Снежным кремом?

Дуань Маочуань опустил голову и отказался говорить. Когда Су Нуан Нуан снова спросила его, маленький ребенок заплакал, но по-прежнему ничего не сказал. Внезапно ей пришло в голову ужасное подозрение: ну конечно, если наложница Цзян осмелилась прийти и обвинить ее перед всеми этими свидетелями, она должна была знать, что на самом деле произошло, и все же она здесь. Очевидно, ради того, чтобы причинить вред Су Нуан Нуан, она должна была убедить Чуань-Эра солгать. В конце концов, что может знать такой маленький ребенок?

Если его собственная мать заставляет его солгать, он бы подчинился, невзирая на причины. Когда наложница Цзян ворвалась в комнату старой госпожи, чтобы поднять шум, она, должно быть, собралась с духом, чтобы погубить Су Нуан Нуан.

Конечно же, когда наложница Цзян приказала Дуань Маочуаню говорить, малыш всхлипнул:

- Я ... Первая госпожа дала мне п-половину миски Снежного крема... вуу-вуу-вуу... я п-пошел домой после еды и... и у меня заболел живот ... вуу-вуу-вуу....

- Невозможно, наша мисс была в то время в Мэй Юэлу, она даже не знала, когда маленький мастер Чуань прибыл во двор Чунь Фэн. Мы увидели его только тогда, когда вернулись, - Хун Лянь почувствовала гнев и тревогу, когда она посмотрела на Дуань Маочуаня с гневом и ненавистью в глазах, - Маленький мастер Чуань, тебе лучше снова вспомнить свою совесть и сказать правду. Как же этот Снежный крем оказался у тебя в желудке?

- Я... - Дуань Маочуань еще больше поник и отвел взгляд от Хун Лянь. Все его тело тряслось, когда он упрямо повторял, - Первая мама ... это первая мама дала мне Снежный крем.

- Ну, Первая госпожа. У тебя есть еще что-нибудь сказать? Чуань-Эру всего четыре года. Неужели четырехлетний ребенок будет лгать? - наложница Цзян наконец-то смогла «засунуть свое сердце в живот»[1], торжествуя глядя на Су Нуан Нуан. До тех пор, пока Чуань-Эр будет продолжать говорить это, «доска будет крепко прибита» [2].

- Вы клевете. В тот день наша госпожа даже не видела маленького мастера Чуаня в своем

доме, - Хун Лянь начала волноваться, а наложница Цзян только усмехнулась:

- Вы, придворные люди Чунь Фэна, естественно, будете защищать Первую госпожу. На самом деле, не только двор Чунь Фэн, кто во всем этом доме не встанет на сторону Первой госпожи? Я всего лишь скромная наложница. Моя жизнь и смерть в руках Первой госпожи. Я не жалею, если госпожа захочет причинить вред только мне. Однако ты совершила ошибку, нацелившись на моего Чуань-Эра. Этого я стерпеть не могу. Даже если мне придется умереть, я добьюсь справедливости для Чуань-Эра.

- Значит, чтобы причинить мне вред, ты научила Чуань-Эра лгать? Ты когда-нибудь задумывалась, какой урок ты ему преподала? Так ты его учишь? - Су Нуан Нуан не стала опровергать ее обвинения. Она просто пристально смотрела на наложницу Цзян, задавая ей свои вопросы. Она действительно понятия не имела, какие чувства должна испытывать, глядя на эту женщину. Конечно, в ней была жалость, презрение и боль. Но еще больше ее охватил гнев. Гнев на то, что ради осуждения других она заставила Чуань-Эра лгать. Неужели эта глупая женщина вообще знает, какое психологическое воздействие это окажет на четырехлетнего ребенка?

- Первая госпожа, тебя не спасут твои крокодиловые слезы. Как эта наложница учит своего сына - ее дело, - наложница Цзян слегка испугалась под пристальным взглядом Су Нуан Нуан. Она вдруг вспомнила о судьбе своей матери, но теперь пути назад уже не было. Ей оставалось только пробиваться вперед. Она не может сдаться на полпути, мало того, что она сама навлекла на себя беду, но, что еще важнее, с будущим ее сына будет покончено.

- Слова наложницы не совсем верны, - прозвучал ясный, спокойный голос, и все глаза повернулись, чтобы увидеть наложницу Цзин, медленно поднимающуюся со своего места, - Хотя Чуань-Эр и родился от тебя, по закону он обязан называть госпожу матерью. Потому что Первая госпожа - его ДИ-мать, а он - ее сын. Если госпожа захочет, она имеет право взять его к себе и воспитывать. Поэтому как ты можешь говорить, что воспитание ребенка - это твое дело?

Это было совершенно верно. Обычай больших резиденций всегда были такими. Однако из-за того, что Су Мэн Нуан была жестокой, злобной личностью, Дуань Тинсюань никогда бы не позволил ей взять к себе детей Сюй Ран Юн, Сюэ Цзы Лань или даже сына наложницы Цзян. Это был здравый смысл той эпохи, но на самом деле он не практиковался в семье Ань Пин. Теперь, когда наложница Цзин озвучила его, лица Сюй Ран Юн и Сюэ Цзы Лань изменились. Наложница Цзян покраснела до корней волос и ничего не сказала.

Наложница Цзин подошла к тому месту, где стояла на коленях наложница Цзян, и встала рядом с ней. Она обратилась к старой госпоже Фан:

- Старая госпожа, эта наложница знает, что слова скромных людей мало что значат. По праву эта наложница не имеет права говорить. Однако угрожающее поведение наложницы Цзян, убежденной, что Первая госпожа желает причинить им вред только по слову Чуань-Эра, противоречит чувству справедливости этой наложницы. Если бы это было в прошлом, то эта наложница не осмелилась бы ничего сказать. Но с тех пор, как Первая госпожа вернулась из Мэй Юэлу, все знают, как она ведет себя и обращается с другими. Если оставить в стороне все

остальное, то сколько человеческих жизней было спасено в храме Пушань? Если она действительно способна причинить вред ребенку, зачем ей подвергать себя опасности, чтобы спасти вторую юную мисс? Эта наложница просит старую госпожу провести тщательное расследование.

Слова наложницы Цзин были произнесены довольно расплывчато, но все ясно услышали ее истинный смысл: у меня нет положения, чтобы высказаться, но, поскольку никто из вас не заступится за Первую госпожу, у меня нет выбора, кроме как выделиться.

На мгновение Сюй Ран Юн и Сюэ Цзы Лань опустили головы. В их сердцах зрела ненависть. Ши Юро также боролась между яростью и колебанием: поскольку ее только что «обманули» из 3000 таэлей, она решила отойти в сторону и наслаждаться тем, как эта «порочная женщина» будет предана суду перед ней.

Однако, когда наложница Цзин заговорила, вспышка понимания пронзила ее: преследование Су Нуан Нуан не может быть таким легким. Поэтому стоит ли ей высказаться? Хотя она и ее муж уже обсуждали свой курс действий, но... она действительно не могла заставить себя сделать это, ах. Она только что была образно избита этой женщиной до полусмерти, и вы все еще хотите, чтобы я дала показания в ее пользу? Это вышло за рамки «прикладывания горячего лица к холодному заду», это «прикладывание горячего лица к холодному и колючему заду». Кроме холода, мое бедное лицо уже исцарапано колючками. Ууууу...

Дуань Синьци тоже встала. Юная госпожа была теперь более отважна, чем прежде, и хотела вступить за Су Нуан Нуан раньше, но ей отчаянно мешала наложница Лин. Теперь, когда наложница Цзин заговорила, она немедленно встала, вырвавшись из ослабевшей хватки матери. Она подошла к наложнице Цзян и сказала:

- Я понимаю, что ты беспокоишься за Чуань-Эра, но зачем невестке причинять ему вред? Если бы она действительно хотела причинить кому-то вред, то наверняка Мин-Эр, Фан-Эр или Сен-Эр были бы лучшей мишенью по сравнению с Чуань-Эром? Тебе не кажется, что это нелепо нападать на Чуань-Эра, но оставить других мальчиков в покое?

Это тоже было сказано туманно, но все понимали смысл сказанного. Дуань Маомин был сыном Сюй Ран Юн, а Дуань Маофан и Дуань Маосен - сыновьями Сюэ Цзы Лань, и каждый из них был выше по социальному статусу Дуань Маочуаня. Когда дело доходило до ненависти, отвращение Су Мэн Нуан к этим двоим было сильнее, чем к наложнице Цзян. Что же касается угроз, то у остальных троих детей статус был выше, чем у сына наложницы. Короче говоря, было нелепо воображать, что кто-то приложит усилия, чтобы причинить вред Дуань Маочуаню.

Однако наложница Цзян уже предвидела этот вопрос и была полностью подготовлена со своими ответами.

- Должно быть, у юной мисс не хватает мозгов, - презрительно усмехнулась она, - Если эта землеройка осмелится причинить вред Мин-Эру, Фан-Эру или Сен-Эру, кто в этой комнате позволит ей уйти безнаказанной? Именно потому, что наш статус самый низкий, она и решила

сначала прикончить нас. Как только ее план увенчается успехом, она сможет уверенно убить остальных в более поздний срок. В конце концов, даже если ее разоблачат, мы едва ли выше рабов, так как же мы можем даже надеяться поколебать положение Первой госпожи? Кто же не знает, что Первая госпожа - это зеница очей господина и старой госпожи?

- Ты... как только твой мозг додумался до таких нелепых заговоров? - Дуань Синьци уставилась на нее широко раскрытыми глазами.

Госпожа Ян наконец не выдержала, встала и выругалась:

- Позор! Бестолковая голова! Ты... ты действительно сошла с ума... Кто-нибудь, придите и вытащите эту женщину...

Она еще не закончила говорить, когда наложница Цзян с такой силой ударилась головой об пол, так что потекла кровь. Даже старшие дамы были потрясены этим ужасным зрелищем. Они жили во внутреннем дворе уже столько лет, но эта дикость была для них впервые.

- Эта скромная наложница пришла сюда, не думая ни о моей жизни, ни о смерти. Если госпожи хотят лишиться меня жизни за неуважение к Первой госпоже, то я не возражаю. Только эта наложница просит старую госпожу и старшую госпожу защитить моего сына. Хотя он сын шу, он все еще плоть и кровь господина, ах. По крайней мере, я прошу вас защитить его, пока у него не появится возможность повзрослеть.

Когда наложница завывала, строгий голос прервал ее:

- Так как этот мальчик - мой сын, я определенно буду любить и защищать его, и позволю ему хорошо вырасти. А что касается тебя? Посмотри на себя, как ты воешь и суетишься перед старой госпожой, преследуя невинных. Ты что, забыла правила дома Ань Пин?

Наложница Цзян задрожала. Она обернулась и увидела, что в комнату неторопливо входит Дуань Тинсюань. Обычно спокойное и улыбочное выражение его лица сменилось стальным. Он был явно взбешен огромным выступлением наложницы Цзян сегодня.

- Бабушка, этот твой внук плохо следит за порядком в своем внутреннем дворе, позволяя этой женщине нарушать твой покой. Этот внук виноват, я заберу ее обратно и строго накажу, - Дуань Тинсюань вышел вперед и встал перед старой госпожой Фан. Его лицо было очень теплым и серьезным, когда он отдавал свое приветствие. Однако, когда он повернулся к наложнице Цзян, его глаза внезапно стали свирепыми. Он уже собирался что-то сказать, когда Дуань Маочуань внезапно бросился вперед и встал перед Дуань Тинсюанем, протянув свои маленькие ручки, чтобы защитить наложницу Цзян. Он громко закричал:

- Не бейте мать-наложницу... у-у-у, отец, пожалуйста, не бейте мать-наложницу... не бейте ее до смерти, ах...

На лбу Дуань Тинсюаня вздулись вены: его добрый маленький сын, этот прямой и живой малыш, не был особенно умен, но имел доброе сердце. Если он так себя ведет, то какую же чушь вбила ему в голову мать? Кто сказал, что ее собираются бить? И что это за разговоры о ее убийстве? Если маленький ребенок так рано столкнется с подобным злом, то в какого взрослого он превратится?

В этот момент Дуань Тинсюань, который никогда не поднимал руку на женщину, всерьез захотел схватить наложницу Цзян за шею и дать ей несколько пощечин. Он вздохнул и обвел взглядом своих многочисленных жен и наложниц, прежде чем остановиться на Хун Лянь. Приняв решение, он сказал ей:

- Ты, заведи Чуань-Эра.

[1] засунуть сердце в живот - когда что-то «улажено», вы можете безопасно спрятать его (в своем желудке)

[2] доска крепко прибита - то, что ее скрепляет; решающий момент; ближайшая идиома, вероятно, «последний гвоздь в гроб»

<http://tl.rulate.ru/book/13874/860166>